

Юлия Созонова

Двойняшки

ДЛЯ МЕДВЕДЯ

Юлия Созонова
Двойняшки для Медведя

«Автор»

2024

Созонова Ю. В.

Двойняшки для Медведя / Ю. В. Созонова — «Автор», 2024

Жизнь Максима Потапова была идеальной. Пока в неё не вернулась его бывшая. И теперь успешный бизнесмен не менее успешно (нет) осваивает роль отца-одиночки, строит планы на семейную жизнь и даже не думает о том, что за всё это счастье придётся платить. Чем? Ну...Нервными клетками точно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Созонова

Двойняшки для Медведя

Пролог

Максим Потапов

Кто сказал, что дети это мило?

Я мрачно созерцал сопящую парочку, раскинувшуюся на диване в моём кабинете и занявшую добрую половину оногo. И медленно, но верно приходил к мысли, что авторы этого заявления безбожно кривили душой. Или не познали все прелести отцовства.

Или сидели на транквилизаторах. Потому что другого варианта для того, чтобы в здравом уме и твёрдой памяти ляпнуть такую... Фигню! Да точно, фигню. Так вот, другой причины для этого я так и не нашёл. А ведь как хорошо всё начиналось-то, а...

– Шеф, а шеф... А ты в курсе, что крепостное право у нас всё-таки отменили? Нет, я понимаю, что тебя, как любителя угнетать и властвовать, это безмерно огорчает, но... Ой! А это... Это что?

Я вздохнул, почесав подбородок. Потом вздохнул ещё раз, продолжая разглядывать спящих оккупантов и злостных завоевателей казённого имущества. Упитанных таких, розовощёких, укутанных в какую-то пушистую фигню. И, не выдержав, буркнул, скрестив руки на груди:

– Что, что... Не видишь, что ли? Дети это!

– Ага, – с умным видом кивнула моя неизменная головная боль. В смысле, моя личная помощница. Чтобы чуть помолчать и деловито уточнить. – А чьи?

– Зеленцова...

И вот вроде бы сказал проникновенно так, с намёком. И посмотрел на эту пигалицу полным осуждения и невысказанного предупреждения взглядом. Даже брови и те к переносице свёл, показательно хмурясь. Но кто бы сомневался, что конкретно на этого моего сотрудника вид гневного шефа не произведёт ровным счётом никакого впечатления.

Иммунитет у неё, что ли?

– Да года полтора уже как Ильина, – беспечно отмахнулась от меня эта зараза. И нагло проигнорировав моё недовольство, устроилась рядом со мной на краю стола. – И всё же... Кто оставил таких очаровашек на попечение злому медведю-шатуну? Только не говори, что это твои, Потапов. Не по-ве-рю.

– Почему это?!

– Потому что ты и дети не совместимы, – резонно откликнулась Зелен... Тьфу ты, Ильина. И мне даже возразить было нечего.

Потому что да, к детям я относился очень и очень настороженно, если не сказать хуже. И искренне надеялся, что такая проблема как отцовство не настигнет меня ещё лет пять. В идеале – десять, а ещё лучше – никогда. Вот только...

– Да я тоже так думал, – вздохнув в который раз за это время, я провёл пальцами по волосам, безбожно их растрепав. И доверительно сообщил, наклонившись к уху своей помощницы. – Пока их свидетельства о рождении не увидел.

Наверное, впервые в жизни, я умудрился поставить её в тупик. И даже гордился собой, пока Лёля, беззастенчиво открыв рот, пялилась очумелым взглядом то на меня, то на спящих детей. Целую минуту стоял, смотрел на дело рук своих и гордился. А потом всё, Лёля пришла в себя и, усилием воли поставив челюсть на место, возмущённо фыркнула:

– М-да... По ходу, десятилетний план по твоему завоеванию у нашей бравой бухгалтерии всё-таки не работает. А какие были планы, какие мечты...

– Какой ещё план? – я сощурился, мгновенно напрягшись. – Зеленцова, а ты мне ничего рассказать не хочешь?

– Ильина, – привычно поправила меня Оля. И, невинно хлопнув глазами, безмятежно улыбнулась. – И нет, не хочу. Зато о-о-очень хочу знать, как ты умудрился стать отцом. И когда. А самое главное... Кто та ненормальная, что согласилась стать твоей женой?!

– Лёля...

– Нет, ну серьёзно, Потапов. Тут чтобы с тобой работать надо иметь железные нервы, а уж чтоб детей от тебя рожать...

– Лёля, – я отчётливо скрипнул зубами, сжав пальцы в кулаки и искренне, горячо уговаривая себя держаться. Не реагировать. Не принимать близко к сердцу. Это же Зелен...

Тьфу ты! Это же Ильина! Метр семьдесят проблем и никакого представления о тактичности и вежливости. И материнство в комплекте с замужеством так и не смогли исправить этот её недостаток. Я же прекрасно знаю, на что она способна, и давно уже отрастил себе броню, клыки и когти, чтобы суметь работать с ней пять дней в неделю с восьми до пяти без маниакального желания прибить пигалицу, не сходя с места! Я же...

– Нет, может она не знает ещё, какое чудовище прячется под маской доброго, плюшевого мишки, но...

Что я там говорил про аутотренинг после первой недели знакомства с Лёлей? Что он фигня? Так вот, подтверждаю – фигня этот ваш аутотренинг, полнейшая. Потому что, вместо того чтобы шикнуть на обнаглевшую помощницу, я глубоко вздохнул и привычно, хорошо поставленным голосом рявкнул, врезав кулаком по столу:

– Лёля, блин!

Повисшую в кабинете мгновенную тишину я счёл за манну небесную. Правда, наслаждался я ею, как и обиженным сопением Ольги, ровно пару секунд. А потом на весь этаж грянул дружный, слаженный детский вопль:

– Уа-а-а-а!

Да блин, как же хорошо всё начиналось-то...

Глава 1

Максим Потапов

– Лёля, блин! Почему они орут?! – я растерянно переводил взгляд с одного сморщенного личика на другое. И старательно пытался игнорировать растущую панику. Получалось...

Да никак, блин. Я на совете акционеров и то чувствовал себя не так отвратительно беспомощным, как один на один с этими малолетними террористами в цветастых ползунках. И вот что им надо-то, а?!

– Понятия не имею, – невозмутимо откликнулась моя помощница. И принялась медленно, демонстративно перелистывать свой неизменный ежедневник. Стоически проигнорировав и мой убийственный взгляд, и очередной громогласный пассаж с дивана.

От этого тонкого и протяжного «Уа-а-а!» дрогнуло даже моё чёрствое сердце, а Лёля и ухом не повела. И я не выдержал.

Подойдя к надрывно плачущим детям, я взял на вытянутых руках одного из малышек и, развернувшись, протянул его Ольге, заявив:

– Лёля, ну ты же мать!

От изучения ежедневника я её всё-таки оторвал. Зелен... Тьфу ты, Ильина! Так вот, Ильина, отложив свою чёртову книжицу в сторону, подняв на меня совершенно безмятежный, полный снисходительного сочувствия взгляд и скрестив руки на груди, выдала:

– Железная логика, Потапов. Я понимаю, почему может орать мой сын, а это – твои дети. И тебе, знаешь ли, в этой ситуации виднее!

И чуть помолчав, Лёля, обогнув меня по дуге, подошла к дивану и взяла на руки второго малыша. Чтобы, аккуратно покачав его, выдать ехидно:

– Ну, чего молчим, Максим Андреевич? Выдвигай предположения! В конце концов... Ты же теперь отец, Потапов!

– Да я их первый раз в жизни вижу! – справедливо возмутился я. И чудом успел подхватить сползающее с рук дитё под попу, прижимая к своей груди. Малёк тихо угукнул и тут же обслюнявил ворот моей рубашки.

– То есть в процессе их зачатия ты тоже не участвовал?

В ответ на моё возмущённое сопение, Лёля тихо прыснула, осторожно пробегая пальчиками по пузу другого киндер-сюрприза. Тот хихикнул и радостно загулил, хлопая в ладошки. И Ольга умильно вздохнула и потёрлась носом о светлый пушок на голове ребёнка:

– Ути боже, какая милота! Так сразу и не скажешь, что папа твой офисный феодал, что держит своих крепостных в чёрном духе и теле.

– Лё-ё-ля...

– Вот слышишь, слышишь? Эти жуткие металлические нотки... А это выражение лица «Я царь этого офиса, падай ниц, холоп!»? Жуткая же жуть! Правда, мой хороший?

– Лёля!

Я аж зубами скрипнул от жгучей обиды пополам со здоровым желанием отомстить. Вот только и придумать ничего не успел, как сидящий на моих руках киндер, тихо икнув, заёрзал на месте. А затем по кабинету поплыл он.

Непередаваемый, ни с чем несравнимый аромат, от которого только что глаза слезиться не начали. Пока что не начали.

– Это... – я зажал нос свободной рукой, недоверчиво покосившись на активно возившегося ребёнка. – Это что?

– Аромат горной фиалки, – выдала Лёля с самым серьёзным видом. И добавила, насмешливо фыркнув. – Специально для тебя из Альп доставили, контрабандой в памперсах провезли.

– А?! – я уставился на неё, как на восьмое чудо света, не меньше.

– Боже, Потапов, не тормози! – закатив глаза, эта страшная женщина уложила свою ношу на диван и принялась стягивать с дрыгающего ногами малыша одежду. – Памперс ему этот менять пора! И подмыть не помешает. И переодеть. И покормить, скорее всего. И...

Тут она наконец-то соизволила на меня посмотреть. И, видимо, что-то такое было на моём лице, что Лёля, задумчиво почесав бровь, полезла за своим телефон. Тихо пробормотав себе под нос, пока набирала номер и ждала ответа:

– Похоже, пока ты отвиснешь, дети вырасти, окончить школу и жениться успеют! Ильин? Сидишь? Нет? Сядь. Ага, и успокойся. И не нервничай. Да ну чего-то рычишь-то, а? Нормально всё. Зачем звоню? Ну... У нас тут с Потаповым двойня, получилась, прикинь? Как чего двойня? Детей, идиот! А... Ильин?! Эй!

Я подавил трусливый и совершенно несвойственный мне порыв подойти к стене и хорошенько приложиться об неё головой. А Лёля лишь удивлённо уставилась на погасший экран телефона. И растерянно протянула, переведя на меня озадаченный взгляд:

– Слушай, а он трубку бросил. Впервые. С чего бы это, а?

– Действительно, с чего?

Сарказма в моем голосе было – хоть ложкой ешь. Потому что в отличие от Зелен... Ильиной, в смысле. Так вот, в отличие от Ильиной я примерно представлял, почему её дорогой и очень ревнивый муж бросил трубку. И уже «предвкушал» его явление в наш офис. Да твою ж мать, всё же так хорошо начиналось!

Ребёнок на моих руках радостно «угукнул» и вновь принялся слюнявить несчастный ворот рубашки. Вот уж кого-кого, а его мои проблемы интересовали в самую последнюю очередь. И ведь Ильин (особенно злой Ильин!) – это не детский подгузник. Это куда, млять, серьезнее! Его так просто, увы, не проигнорируешь.

– Потапов, даже не думай, – Лёля, подозрительно сощурившись, погрозила мне кулаком и успела поймать свою порцию детского счастья до того, как она свалилась с дивана. Уложила барахтающегося малыша подальше от края и вновь уставилась на меня пристальным взглядом. После чего медленно так, по слогам повторила:

– Даже. Не. Думай.

– О чём это? – решил уточнить я на всякий случай, подхватив притихшего ребёнка другой рукой. Потому что думал я много и вообще ни разу не цензурно. И только наличие детских ушей удерживало меня от того, чтобы начать думать вслух.

Мелкий завозился, устраиваясь поудобнее на моём плече и заинтересованно уставился на меня большими, светлыми глазами. Так внимательно, что я даже слегка занервничал, переживая очередную волну аромата тех самых «горных», мать их, фиалок.

Да, не морозная свежесть и даже не «морской бриз». Одно радует, это оказалось вовсе не так страшно, как все эти дамочки, со шлейфом своих псевдодорогих духов. Удушливый, липкий приторно-сладкий запах годился разве что в качестве химического оружия или отравы для тараканов. И вызывал только одно непреодолимое желание – отправить его обладательницу в душ! Пока в помещении оставалась хоть какая-то капля кислорода, блин.

– О том, куда ты спрячешь мой труп, конечно же. И не делай такое невинное лицо, не поверю, – состроив рожицу притихшему малышу, Лёля непринуждённо добавила, насмешливо на меня поглядывая. – У тебя жажда моей смерти на лице крупными такими, матерными буквами сияет.

– И ты искренне думаешь, что у меня нет причин для этого? Ты...

Тут мне пришлось прервать свою намечавшуюся гневную отповедь. Потому что меня наградили уже вторым слюнявым укусом в плечо. Видимо для симметрии. А потом этот маленький террорист на моих руках завозился, потянул ко мне свои пухлые ладошки и...

Взял в плен моё бородатое лицо. И принялся с наслаждением щипать кожу, тянуть на себя отросшую щетину и вообще творил всякое непотребство. С довольной улыбкой и тихим, счастливым бульканьем. Твою ж...

Маму-анархию!

– Эй! А тебе обязательно это делать?

Я дёрнул подбородком, хмуро уставившись на довольно хихикающего малыша. В ответ мне двинули в челюсть и цапнули пальцами кончик носа, тут же потянув его на себя. Я пыхтел, чертыхался и честно пытался держать язык за зубами, но не смог.

Раздражённо мотнув головой, я тихо рявкнул:

– Да отпусти ты меня, а?!

К моему удивлению, это сработало. И я даже порадовался этому, первые секунд тридцать. Пока малыш молча пялился на меня круглыми глазками, хмуря тонкие светлые бровки. А потом этот киндер-сюрприз хныкнул. Раз, другой, третий.

И зашёлся в полноценном, яростном рёве, размахивая руками и пытаясь вывернуться из моей хватки. Второй подарочек, посмотрев на это представление, тут же решил его поддержать и разорался следом. Да так отчаянно и требовательно, что где-то в груди шевельнулось что-то похожее на совесть.

Шевельнулось и тут же умолкло под гнётом нарастающего раздражения. Я держался, я честно держался. Я терпел всю абсурдность этой ситуации так долго, как только мог! Но, мля...

Даже у моего почти безграничного терпения есть свой предел. Именно поэтому ворвавшегося в кабинет мужа Лёли я встретил радостным оскалом и счастливым заявлением:

– Ты даже не представляешь, как ты вовремя, Ильин! Это тебе!

Сократив разделяющее нас расстояние, я без сомнений вручил орущего ребёнка опешившему приятелю. Ильин и сказать ничего не успел, только машинально прижал к груди драгоценную ношу, переводя откровенно недоумённый взгляд с меня на Зелен...

Да блин, когда же я привыкну-то?

В общем, Гор ненадолго завис, глядя то на меня, то на деловито суетившуюся над вторым малым Ольгу. А я, воспользовавшись ситуацией, быстро уселся за свой стол, принявшись с самым невозмутимым видом разбирать завал из бумаг на нём. При этом целенаправленно игнорировал всё, что происходит в моём кабинете.

Серьёзно. Появись сейчас здесь главбух, с предложением руки, сердца, печени и прочих органов всех своих подчинённых, я бы и ухом не повёл. И плевать мне было, что серьёзные, деловые люди так себя не ведут. Что, вообще-то, проблемы надо решать, а не делать вид, что «я не я и хата не моя». Вот только...

Я нервно фыркнул, дёрнув плечом. Что-то сомневаюсь я, что эти самые серьёзные люди хоть раз получали на руки детей так, как я: внезапно, внепланово и пропустив где-то год из их жизни. И я даже не знаю, что меня злило больше: тот факт, что я ничего не про них не знал...

Или то, что у меня вообще есть дети?

– Кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит? – наконец, отмер Ильин, задумчиво почесав подбородок свободной рукой.

– А что здесь происходит? – я всё также невозмутимо пожал плечами, честно пытаюсь вчитаться в строчки какого-то договора.

Строчки нагло плясали и отказывались быть прочитанными. А потом и вовсе исчезли из моего поля зрения, выдернутые изящной женской ручкой. Той самой, чья обладательница не постеснялась и вlepила мне подзатыльник:

– Потапов, не лсти себе. За этими бумажками ты от них не спрячешься. И потом. Если ты не знал, то вынуждена тебя просветить: детей надо вымыть, переодеть, накормить и уложить спать. И кто всем этим будет заниматься?

– Ну-у-у... Ты?

– О нет, Потапов. Даже не надейся, – Лёля скрестила руки на груди, отрицательно помотав головой. – Мне своего сына с головой хватает.

– Премия.

– Нет.

– Двойная премия.

– Не-а.

– В тройном размере? – предпринял я последнюю попытку подкупить эту заразу и свалить на неё заботу о детях. Но, видимо, я снова недооценил госпожу Ильину, угу.

Хитро сощурившись, Лёля чему-то усмехнулась и выдала, хлопнув в ладоши:

– Окей. Премия, шопинг, рассказ о том, как ты обзавёлся детьми и... Так и быть, я покажу тебе, что надо делать и как.

– То есть, без вариантов, да? – обречённо простонав, я бросил полный надежды взгляд на подозрительно молчаливого Игоря. Втайне надеясь, что хотя бы он будет на моей стороне.

Зря, очень зря. Этот ушлый адвокатишка предпочёл не вмешиваться, послушно приняв от супруги второго ребёнка на руки и мстительно мне улыбнувшись. Как бы непрозрачно намекая на то, что в этот раз совсем без вариантов: меня ждёт допрос и курс молодого отца. И всё это за мои же деньги.

Я уже говорил, что всё это слишком хорошо начиналось?

Глава 2

Максим Потапов

– Итак, у меня два вопроса, – выдал я посреди детского магазина. Проигнорировав и страдальческий вздох собственной помощницы, стоящей рядом и все те взгляды, которыми меня наградили при входе в это женское царство.

Серьёзно, ещё никогда в жизни я не был объектом пристального внимания такого количества женщин всех видов и возрастов. И они так на меня посмотрели, что я невольно сглотнул, тихо радуясь тому, что от немедленной расправы меня спасло наличие ребёнка на руках и Лёля.

Хоть какая-то польза от детей и моей помощницы за весь этот чёртов день!

– Что на этот раз, Потапов? – недовольно протянула Ильина, скрестив руки на груди и смерив меня очень выразительным взглядом. А я почесал подбородок, поправил сидящего у меня на руках малыша и невозмутимо продолжил:

– Как я уже сказал, Лёля, у меня всего два вопроса. Зачем мы сюда пришли... И где здесь выход?

– Уа, – согласно плямкнул пригревшийся на моих руках малёк и хихикнул, хлопнув меня ладошками по плечу. Чем вызвал у меня внезапную, ну совершенно неуместную дозу умиления.

Правда, ненадолго. Тряхнув головой, я указал пальцем на ребёнка:

– Вот видишь? Даже ему кажется, что нам здесь не место. Так что, может быть ты...

– Ей, Потапов, – невозмутимо перебила меня Ольга Сергеевна, делая какие-то пометки в своём ежедневнике. Глянув на меня, она чему-то усмехнулась и медленно, почти по слогам повторила. – Ей кажется, что купленного в ближайшей аптеке памперса им с братом надолго не хватит. А ещё нужна присыпка, детский крем, детское масло, питание и хотя бы пара погремушек. Каждому. Поэтому мы идём...

Тут девушка повертела головой, выискивая что-то среди стеллажей, и ткнула пальцем в один из рядов:

– Идём в этот отдел и покупаем всё, согласно составленному мной списку. И да, Максим Андреевич, вы бы челюсть с пола подобрали... Ну так, на всякий случай. Боюсь, она вам ещё пригодится.

– Что?!

Я растерянно моргнул, глядя то на удаляющуюся Лёлю, то на улыбающегося мне мальчика. Тот активно слюнявил собственный кулак и выглядел как самый обычный ребёнок. Знаете, как во всех этих рекламных роликах: розовые щёчки, умеренная упитанность и подозрительно притихшая активность. И комбинезон.

Тёмно-синий комбинезон с корабликами. Да ну нафиг! Какая это девочка?!

– Да с чего она вообще это взяла?! – возмущившись шёпотом, я перехватил малыша поудобнее и рванул следом за Ильиной. И только чудом, не иначе, не разминулсЯ с ней возле полок с какой-то детской фигнёй. То ли с кремами, то ли с шампунями...

То ли ещё чёрт его знает с чем. Но именно там остановилась моя помощница, что-то вычитывая на тубике с улыбающимся рыжим лисёнком. И даже не вздрогнула, когда я, затормозив рядом с ней, требовательно зашипел:

– Что значит «девочка»?!

– А что, тут могут быть варианты? То и значит, Потапов, – возведя глаза к потолку, Лёля убрала тубик обратно на полку и ткнула меня пальцем в лоб. – Если бы кое-кто не сбежал с воплем «Где мой противогаз?!», пока я переедала детей в служебном туалете, то, может

быть, этот кто-то увидел бы всё своими глазами. И понял, что у него на руках не два мальчика, а мальчик и девочка. Симпатичная, явно не в тебя. Кстати, как их зовут-то?

– А...

И вот тут я осознал один, но очень неоспоримый факт. Я, млять, идиот. У меня на руках есть копия свидетельства о рождении двойняшек, и я даже не догадался внимательно его посмотреть. Просто-напросто не вспомнил о нём до сих пор!

Вот и кто я после этого, а? Идиот и есть. Если не сказать больше...

– Потапов, мне жаль отрывать тебя от приступа самобичевания, – тонкие женские пальцы вцепились мне в ухо и потащили за собой к следующему стеллажу, – но времени у нас в обрез. Дети это не только ежедневная доза умиления, но ещё крики, плач и километровый список расходов. Так что...

– Готовь бабки? – обречённо вздохнув, я вытащил бумажник из заднего кармана джинсов и потёр многострадальное ухо. Нет, Лёля его отпустила почти сразу, но меньше оно от этого болеть не стало, блин! Как и изрядно, изрядно пострадавшее самолюбие. Что-то многовато в последнее время желающих пройтись по нему.

– Приятно, когда тебя понимают, – довольно улыбнувшись, Лёля направилась вперёд, стремительно наполняя тележку всеми этими... Штуками. И как бы мимоходом заметила. – Не переживайте, Максим Андреевич. В этот раз мы купим только самое необходимое. А вот пото-о-ом...

Я аж запнулся от неожиданности, чудом не въехав лбом в стеллаж. И севшим от подкапывающей к горлу паники голосом уточнил, крепче прижимая малыша к груди:

– В смысле?! Только не говори, что это не единственный поход в магазин!

– Хорошо, – покладисто согласилась эта страшная женщина. И пожала плечами, сворачивая в другой отдел. – Не буду.

– Лёля, блин!

Думаете, меня слышали? Или у Зеленцо... Тьфу, мля. Или у Ильиной, внезапно случился приступ любви к ближнему своему? А может, напрочь отсутствующая совесть признаки жизни подала?

Ха-ха, три раза, блин! Сдаётся мне, проще жизнь на Марсе отыскать, чем эту самую мифическую совесть, да ещё и у моей «любимой» помощницы. И почему-то именно я вынужден страдать от этого больше всего.

Ну и где здесь справедливость, спрашивается?!

Вопрос был из разряда риторических. Наверное, именно поэтому я предпочёл не задавать его вслух. Вместо этого я молча догнал Лёлю, молча оплатил покупки, воздержавшись от комментариев на эту тему и так же молча загрузил всё это в машину Ильина.

Этот предатель, оценив моё «дружелюбное» настроение, только с сочувствием похлопал меня по плечу. После чего, как бы между прочим поинтересовался, вырывая в сторону моего дома:

– Слушай, Макс... А ты уверен, что это действительно твои дети?

Ей-богу, будь я за рулём, я уже вдарил бы по тормозам. А так всего лишь прикусил язык от неожиданности и чудом не уронил пригревшуюся на груди малышку. Потому что к таким вопросам я был готов так же, как к тому, что у меня на руках внезапно окажутся два маленьких ребёнка. То есть вот вообще, ни разу не готов!

– Ильин, – наконец, я смог сложить слова во что-то относительно цензурное. И выдохнул, на всякий случай прикрыв уши ребёнку на моих руках. – Не доводи до греха! Сейчас я вынужденно не могу материться. А мне хочется, очень-очень хочется!

– Вообще-то, это закономерный интерес, Потапов, – снисходительно хмыкнув, Гор искоса на меня посмотрел. – Как адвокату мне не раз и не два приходилось иметь дело с дамочками, желающими развести мужиков на алименты. Так что...

– О нет, это не тот случай, – я криво усмехнулся, качнув головой. – Поверь мне, Гор, это совсем не тот случай. Ирина она... Ну... В общем, поверь на слово. Этой девушке мои деньги нужны в самую последнюю очередь.

– Ну-ну...

Судя по тону, друг мне не поверил. Ещё и таким взглядом смерил, что я даже не сомневался, позже меня обязательно допросят. Со всем, так сказать, пристрастием. А пока Ильин предпочёл сосредоточиться на дороге, оставив меня один на один с собственными размышлениями.

Печальными размышлениями. Очень печальными. Ну а какой мужчина порадовался бы таким внезапным переменам в жизни? Уж точно не я. По итогу же...

По итогу я стал отцом-одиночкой, обзавёлся парочкой фобий насчёт шопинга и детей и, кажется, сам ещё не до конца осознал, в какую авантюру вляпался. Но одно я точно мог сказать – пока их мать отлёживается в больнице, именно я отвечаю за них.

Ну не в дом малютки же их сдавать, в самом деле?! Или...

Я мотнул головой, с силой сжав челюсть. Какое к дьяволу «или», Потапов?! Мало ты Ирке проблем доставил, решил домом малютки добить окончательно, что ли? Фиг тебе, дубина. Обещал заботиться, будь любезен вывернись наизнанку, но сделай! Дети – это ведь не сложнее бизнеса, верно?

Так я думал ровно до того момента, пока мы не въехали на подземный паркинг в моём жилом комплексе. И пока не поднялись в мою квартиру, делая всё, чтобы не разбудить сладкую парочку. А вот там...

– Кажется, я переоценил свои силы, – растерянно протянул я, глядя на баночки с молочной смесью, батареей выстроившиеся на барной стойке на кухне и потеснившие мою кофемашину.

– Ты всё ещё можешь отдать их на попечение государству, – невозмутимо заметил Гор, не глядя разобрав две бутылочки и сгрудив их в этот... Как его там...

В стерилизатор, во! Я и понятия не имел, что такие вещи вообще в природе существуют. Особенно для ухода за детьми.

– Если у тебя лишняя челюсть, так и скажи, – мрачно буркнул я в ответ, машинально хрустнув костяшками, сжимая пальцы в кулаки. И устало добавил, качнув головой. – Завязывай, Гор. Никуда я их не отдам.

– Даже если они не твои? – острый профессиональный взгляд полоснул по нервам, заставив в сотый раз перебрать в уме все причины, почему я всё ещё терплю эту семейку.

Даже по самым смелым прикидкам, список получился приличный. Плюсов в нём пока что было больше, чем минусов. И я искренне надеялся, что так оно и останется.

– Даже если они не мои.

Сказал я, как отрезал. Попутно наградив друга таким говорящим взглядом, что любой другой на месте Ильина предпочёл бы замять тему и не продолжать этот разговор. Но это был Игорь Леонидович Ильин, и инстинкт самосохранения ему явно отбило встречей с супругой. Потому что вместо того, чтобы оставить меня в покое, он показательно так вздохнул.

И, подперев плечом холодильник, ехидно хмыкнул, засунув руки в карманы брюк:

– Ну окей, друг. Твой альтруизм – твои проблемы, как говорится. А пока у нас есть пять минут относительной тишины... Расскажи-ка мне, Потапов, какого хрена тут происходит, а?!

– Ну...

Я поскрёб подбородок, пытаюсь понять, с чего начать свою маленькую исповедь. А потом вдохнул и выдал всё так, как есть. Проигнорировав тот факт, что с каждым моим словом брови Ильина медленно, но верно ползли вверх, выдавая его непомерное изумление. Впрочем, о чём это я?

Звонок из больницы меня, мягко говоря, удивил. Я помнил Ирку, я помнил, как мы познакомились и, самое главное, как мы прое... Кхм, провалили наши отношения. И я точно знал, что приложил все усилия, чтобы отбить у Войновой желание поддерживать со мной хоть какую-то видимость дружбы.

Ну да, да. Знаю, я облажался и не пытался это исправить. И то, что именно я оказался в списке лиц для связи в экстренной ситуации, для меня стало новостью. Внезапной и обескураживающей. А уж в комплекте с двумя детьми и документами, где их отцом значился некий Максим Андреевич, это и вовсе ввергло меня в шок.

В тот самый шок, который до сих пор так до конца и не отпустил. Жутко хотелось выпить, чтоб переварить всё случившиеся, но...

– Господа, я всё понимаю, мужские разговоры и всё такое... Но дети хотят есть. Я бы даже сказала, жрать. Поэтому баночки в зубы, детей на руки и вперёд!

– В смысле «кормить»?!

Вот в этот раз мы с Гором проявили небывалое единодушие. Но, как я уже говорил, проще найти жизнь на Марсе, чем совесть у этой страшной женщины. Раздражённо сдув с носа прядь волос, Лёля выдала нам по ребёнку, по бутылочке со смесью и нетерпеливо поинтересовалась, топнув ногой:

– Ну? Чего ждём?

– Эм...

Я растерянно посмотрел на притихшего малыша на моих руках. Малыш посмотрел на меня и медленно приоткрыл рот. После чего по квартире раздался требовательный, очень требовательный рёв. Такой, что я только чудом не выронил злосчастную бутылочку из рук. И обречённо про себя застонал.

Боже, на что я подписался, а?!

Глава 3

Максим Потапов

– Это отвратительно, – мрачно резюмировал я, уткнувшись носом в чашку с кофе. С крепким, чёрным, как моя душа, кофе. Только он и не давал мне уснуть мордой в стол и плевать, что на часах давно уже полдень.

– М-м-м? Ты о чём?

Ильин, нарисовавшийся на пороге моей квартиры минут так пять назад, зарылся в холодильник в поисках съестного. И я искренне был рад, что он не стал комментировать царивший вокруг свинарник. Не то, чтобы я был поборником чистоты...

Но даже на мой холостяцкий взгляд, кухню проще было сжечь, чем навести в ней порядок. И это я ещё не вспомнил про то, что творилось в гостевой комнате, отданной под детскую, и в ванной, где корзина для белья грозила провалиться к соседям. Вместе со всем своим содержимым.

– Твоя физиономия, – осторожно поведя плечами, я поморщился от боли, прострелившей шею. И всерьёз озадачился вопросом, как, ну вот как Ирка с ними справляется?

Одна. Без помощи семьи, оставшейся на другом конце страны. Да блин, мне трёх дней хватило, что ощутить все «прелести» той хрени, что называется отцовством. Нет, определённые плюсы в этом деле действительно были.

Или даже есть. Пусть я пока что не прочувствовал их на своей шкуре. Но мысль, что в таком темпе я до конца недели не дотяну, проскальзывала всё чаще и чаще.

И всё-таки, как она с ними справлялась, а?!

– А что с ней не так? – озадачился Гор, плюхнувшись за стойку напротив меня. И так улыбнулся, что у меня кулаки невольно зачесались. Потому что нельзя быть таким радостным, просто до омерзения и совершенно точно выпавшимся.

Мля, аж завидно стало, ей-богу!

– Она у тебя слишком довольная. И счастливая, – вздохнув, я сделал большой глоток кофе. Даже не поморщившись от горького, кисловатого привкуса. И всё же не выдержав, подозрительно поинтересовался. – Нет, ну я серьёзно, Гор. У тебя ж пацан не старше моих партизан. Как ты... Как ты умудряешься выглядеть таким бодрым, а?

– Это ты просто не привык ещё, – с самым серьёзным выражением лица брякнул Ильин. После чего не выдержал и заржал, добавив. – А потом будешь как лошадь, спать стоя. Когда угодно, где угодно и хоть под что.

– И сколько будет длиться это... Привыкание?

– А тут прости, мой друг, но у каждого по-разному, – снова гоготнув, Игорь вздохнул и пододвинул ко мне тоненькую папку с документами. – Держи. И не благодари меня, я знаю, что я молодец.

– Это что? – нахмурившись, я взял в руки обычный скоросшиватель. Правда, открывать не спешил, чувствуя, как в груди шевелится очень нехорошее предчувствие.

– То, что поможет тебе решить, что делать дальше, – утащив из стоящей рядом вазочки печенье, друг невозмутимо принялся его грызть. И судя по его виду, расщедриться на подробности он не планировал. Вот же...

Юрист хренов. Со склонностью к дешёвым театральным эффектам.

– Ла-а-адно, – нехотя протянул я, отставив кружку с недопитым кофе в сторону. Глубоко вздохнул, медленно выдохнул. И открыл чёртову папку, уставившись на безликие буквы и цифры, как на врага народа.

Только спустя пару секунд сумел сложить их в название документа и осознать, что именно в моих руках. А это был...

– Ты. Серьёзно?! – раздельно, чуть ли не по слогам прохрипел я, сжав несчастные бумаги в кулаке. – Гор, млять... Я же сказал, мне всё равно!

– Тебе – да, – спокойно откликнулся Ильин. – А мне, как твоему лучшему другу нет. И чего ты завёлся, Потапов? Ты ж вроде радоваться должен... – смерив меня насмешливым взглядом, он уточнил. – Ну, что теперь можешь называть себя отцом на вполне себе законных основаниях. Что не так-то?

Что не так? Нет, он реально ещё поинтересовался у меня, что не так?!

– О, знаю я этот взгляд, – Игорь фыркнул, досыпая в кружку третью по счёту ложку сахара. И ехидно протянул, размешивая теперь уже точно свой приторный напиток. – А теперь, дамы и господа, вы прослушаете монолог под условным названием «Ты охренел, Ильин?!».

– Ху... – вовремя прикусив язык, я смерил друга убийственным взглядом и снова прислушался к царившей в квартире тишине. Искренне надеюсь, что это была тишина «мы сладко спим», а не «мы нашли большой адронный коллайдер и готовы захватить мир».

Я б даже удивляться не стал, ей-богу.

– Короче, хрен тебе, а не монолог, – я всё же сподобился закончить предложение. И смерил друга ещё одним мрачным, многообещающим взглядом, что, будь на его месте кто-то из моих подчинённых, уже б слинял. Но тут...

– Жа-а-аль, – вполне искренне расстроился приятель. И как бы между прочим, поинтересовался. – А пожарать нет ничего? Кроме детского питания, конечно.

Вот, собственно, именно это я и имел в виду. То, что Ильину эти мои взгляды маньяка со стажем, как слону дробовик. Забавно, интересно, но ни хрена не поможет же. И ведь так сразу и не скажешь: он с рождения такой дефективный был? Или это его семейная жизнь так закалить успела?

– Гор, а Лёля у тебя сильная? – огорошил я зарывшегося в холодильник друга внезапным вопросом. Ильин от неожиданности аж башкой об полку приложился, высунувшись наружу и смерив меня подозрительным взглядом.

– Ну... Предположим, – настороженно откликнулся друг, выудив откуда-то бутылочку питьевого йогурта. Потряс её для верности и, только скрутив крышку, попытался разглядеть срок годности выбитый на ней.

– И целеустремлённая?

– Себе во вред, – не удержался от шпильки в адрес любимой супруги друг. И зыркнув на меня исподлобья, всё-таки уточнил. – Это ты к чему?

– Это я к тому, что даже ей не под силу так отбить инстинкт самосохранения. Ты что, серьёзно собрался ЭТО пить?!

– Да нормальный он... – растерянно откликнулся Игорь, почесав затылок. – Вроде бы...

– Ну-ну, – я хмыкнул, качнув головой. И машинально провёл пальцами по папке со злополучным результатом теста ДНК, так и лежавшей на столе.

Злость на чужое самоуправство давно прошла. Зато вместо неё внутренности стянуло таким сумбуром из чувств и эмоций, что казалось ещё чуть-чуть – и меня тупо разорвёт. И как я ни старался, так и не понял, чего там больше: возмущения поступком друга, обиды на Ирку за молчание или дурного ощущения счастья, что я – отец?

Я, а не кто-то другой... Охренеть, блин!

– Мля-я-я...

Это всё, что я смог выдать, наконец-то в полной мере осознав, во что я вляпался, что я, мать его, чуть не пропустил! И, видимо, на радостях от этого я ляпнул, уставившись на Гору растерянным взглядом:

– Ильин, а как это... Быть отцом?

Друг от такой постановки вопроса впал в ступор. Секунд на тридцать точно. А потом как-то странно усмехнулся, подперев спиной холодильник:

– Эк тебя приложило... Потапов, вообще-то это мне у тебя спрашивать надо, как это. Ты ж у нас теперь многодетный отец. И кстати, что дальше-то делать будешь, папаша?

Мой хмурый взгляд он снова проигнорировал. В который раз доказав теорию о том, что юристами не становятся, ими, млять, рождаются. Иначе, откуда у Ильина такое феерическое умение испортить настроение окружающим? С одного-то невинного вопроса!

– Гор... – вдохновенно начал я и замолк, обозначив драматичную паузу. Дав, так сказать, товарищу время одуматься и не развивать эту долбанную тему. Но...

Где Ильин и где инстинкт самосохранения, ага. Он лишь ехидно улыбнулся, подавшись вперёд:

– Да-да?

– А не пошёл бы ты на...

Трель телефона зарубила мой героический (и нецензурный) порыв на корню. Схватив телефон, я с минуту пялился на незнакомый номер, давя рвущиеся наружу непечатные выражения. После чего ткнул пальцем в экран и рявкнул в трубку:

– Да?!

– Максим?

Хриплый, надтреснутый голос врезался в грудь, выбив воздух из лёгких и перекрыв кислород. Он был до дрожи чужой и слишком знакомый, чтобы его не узнать. И я задохнулся от неожиданности, разом растеряв весь свой боевой запал, позабыв все слова.

Только и смог, что сдавленно выдохнуть, рухнув обратно на табурет:

– Ира?!

Ирина Войнова

Я не любила больницы. Никогда. Удушливый запах хлорки и безысходности въедался под кожу, зудел в носу и приводил меня в состояние тихого ужаса. И тем ироничнее был тот факт, что за последний год я попадала сюда с завидной регулярностью. Как будто меня кто-то взял и проклял. И если не на смерть, то на безответную влюблённость точно.

Глубоко вздохнув, я хрипло, со свистом выдохнула и медленно открыла глаза. Моргнула, подслеповато шурясь от яркого солнца, бывшего в глаза. И уставилась невидящим взглядом в потолок, глотая вязкую, горькую слюну. В горле першило, во рту воцарилась пустыня Сахара, а язык напоминал наждак. Но это было не так плохо, как накрывающее с головой чувство страха.

Мне было страшно. До чёртового тремора рук и заполошно стучавшего сердца. Потому что в больничной палате я оказалась одна, без детей. И я понятия не имела о том, где они сейчас и с кем. Чёрт!

Резко дёрнувшись, я попыталась приподняться хотя бы на локтях. И тут же рухнула обратно, едва не задохнувшись от приступа тупой, ноющей боли, растёкшейся по животу и левому боку. А следом за ней пришла слабость и тошнота. Выматывающая, выворачивающая наизнанку. Так, что у меня потемнело в глазах и всё, что я могла, это рвано дышать, сжав зубы до характерного скрипа.

Давя растущую где-то внутри, за грудиной, панику от одной лишь мысли, что что-то могло случиться, пойти не так, пока я валялась в реанимации.

– О, подруга! Пришла в себя? Ну, наконец-то! А то я уже всерьёз задумалась о том, чтоб жалобу в минздрав накатать... Подселили, понимаешь ли, к привидению!

Задорный и полный добродушной насмешки голос разбил окружающую тишину и заставил вздрогнуть, вынырнув из омота тревожных размышлений. Сглотнув, я облизнула потрескавшиеся, сухие губы, собираясь с силами.

И медленно повернув голову, пробормотала едва слышно:

– Почему?

– Почему в минздрав или почему к привидению? – заинтересованно дёрнула проколотой бровью сидящая на соседней кровати девица. Тонкая, взъерошенная и в забавной пижаме с котятами, она выглядела максимум лет на семнадцать.

И вела себя так же. Забравшись с ногами на тонкий матрас, она косила взглядом то на меня, то на альбом в своих руках. И задумчиво кусала кончик обломанного карандаша, смешно морща нос.

– Ну... – так и не дождавшись от меня ответа, соседка фыркнула, сдувая с носа прядь кудрявых волос. – Не сочти за грубость... Но ты ж бледная, как смерть. И худая, как моя зарплата, ага. Не то чтобы это меня пугало... Но семь признаков того, что ты не призрак, я всё-таки науглила. Ну так, на всякий случай, да. А потом я наткнулась на...

Она болтала и болтала, размахивая кулаком с зажатым в нём карандашом. И строила такие забавные рожицы, что я не выдержала и прыснула. Тут же пожалев об этом: вспышка боли, пронзившая бок, опалила изнутри и заставила глухо застонать, зажмурившись до белых мушек перед глазами.

– Ой... – тут же выдала эта болтушка, смешно округлив глаза. Ещё и рот себе зажала, стремительно покраснев. – Прости, я всё время забываю, что смех после операции осложняет жизнь. Тебе это... Может надо чего, а? Готова искупить вину! Ну... В меру сил и возможностей, конечно же.

Я на это искреннее предложение только дёрнула уголками губ в слабом подобии улыбки. Всё, что мне было нужно, это узнать, где мои дети. Понять, что они в безопасности, что с ними всё, хорошо. Но вряд ли этот ребёнок мог хоть как-то мне в этом помочь. Разве что...

– Дай мне... Телефон... Пожалуйста...

– Не вопрос!

На то, чтобы вспомнить один единственный номер телефона, много времени не ушло. Удивительно было то, что я так и не смогла стереть его из памяти. И то, что продиктовала я его хоть и медленно, с паузами, но без запинки.

Даже не задумалась ни разу, так прочно засел он в воспоминаниях.

– Я подержу, не бойся. Вот, болтай, сколько влезет!

Моя ответная улыбка вышла слабой, но её оказалось достаточно, чтобы девчонка радостно оживилась. И принялась что-то мурлыкать себе под нос, пока я старательно считала гудки, отчаянно надеясь, что в этот раз этот человек меня не подведёт.

Что врачи скорой ему дозвонились. Что он забрал детей к себе, а не отдал их государству. Что хотя бы в этот раз, он меня услышал, а не сделал вид. Ну же, Потапов, пожалуйста...

Хотя бы сейчас не разочаруй меня, а?!

Трубку взяли не сразу. Но прежде, чем я успела хоть что-то сказать, мне в ухо недовольно и раздражённо гаркнули: «Да?!». Так, что я даже растерялась от неожиданности и хрипло, с трудом шевеля языком, переспросила:

– Максим?

И почему-то внезапно покраснела, услышав удивлённый и даже робкий выдох в ответ:

– Ира?!

Глава 4

Ирина Войнова

Одно слово. Просто имя, а у меня сердце уже пропустило удар и забилося в груди пойманной птицей. И слёзы. Предательские слёзы навернулись на глаза, скатившись по щекам вниз. И нет, я не собиралась реветь. Не собиралась и всё тут! Но...

Но. Ох уж это злосчастное «но».

То самое, что соткано из предательских воспоминаний, из старых чувств и безответной влюблённости. Из обиды на чужое равнодушие и горечи от пустых обещаний. То самое «но», что когда-то так крепко связывало нас с Потаповым, да так и не стёрлось из памяти до конца.

Не стёрлось, не забылось. И продолжало царапать где-то в самой глубине души. Да и разве могло быть иначе? Когда перед глазами было два таких напоминания об этом?

– Ир... Ирин? Ты здесь?!

– Что?...

Я моргнула раз, другой, пытаюсь избавиться от пелены перед глазами. Нервно дёрнула уголками губ и всё же вздохнула, заталкивая никому не нужную сентиментальность куда подальше. После чего хрипло пробормотала:

– Да... Да, Потапов. Я здесь... А...

– Ты...

Максим замолчал, снова. Откашлялся неловко, явно не зная, что сказать и как. И я тоже затихла, вдруг растеряв весь свой богатый словарный запас. Это странное ощущение неловкости и недосказанности ударило чувством дежавю по натянутым нервам, и я гулко сглотнула, крепко зажмурившись на мгновение. Потому что...

Чёрт! Это было слишком. Слишком остро, ещё слишком свежо, ещё слишком...

Просто слишком. Наверное, поэтому мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось бы:

– Дети... Они с тобой?

– Да, – Макс тихо хмыкнул, явно задумавшись о чём-то своём. Но всё же добавил. – С ними всё хорошо, Ир, не волнуйся. Сейчас вон... Размазывают тонким слоем детское питание по дорожному костюму нашего гостя. Даже не представляю, как буду ЭТО ему компенсировать...

Я не хотела на это реагировать, поддаваться добродушной усмешке, так и сквозившей в его словах. Не хотела, но губы сами растянулись в слабом подобии улыбки:

– Дай угадаю. Под «ему» ты подразумеваешь своего Ильина, да?

– Он не мой, – тут же открестился Потапов. – Он свой собственный.

– Действительно...

И вот вроде ничего такого я не сказала, да и слова прозвучали даже на мой вкус скорее устало, чем саркастично. Но Макс рассмеялся в ответ, тихо и до боли знакомо. Так, что на глаза вновь навернулись слёзы, а пальцы дрогнули, сжимаясь в кулак и впиваясь короткими ногтями в ладонь. И следующий вопрос, заданный с хорошо различимым беспокойством, прозвучал как выстрел:

– Ир... Ты как? Всё хорошо? Или...

– Всё хорошо, Потапов, – я сипло выдохнула, отчаянно пытаюсь взять под контроль собственные эмоции и мысли. – Аппендицит это неприятно, но не смертельно. Думаю, через несколько дней меня уже выпишут, и я избавлю тебя от необходимости присматривать за чужими детьми.

Слова прозвучали до того, как я успела прикусить язык. И не надо быть экстрасенсом, чтобы услышать в них ни черта не завуалированные обиду и горечь, пополам с издёвкой. Потому что я слишком хорошо помнила, что времени на всякие «глупости» у Макса не было

и нет. Что мы вроде бы и вместе, но «нас» как таковых и нет. Что у нас разный круг знакомых, друзей, общения, интересов...

Боже, да проще сказать, в чём мы совпадали: в постели. Там у нас царило полное взаимопонимание. А в остальном – два чужих человека. И чем дольше мы были вместе, тем больше я понимала, что это тупик. И нет.

Потапов не являлся плохим человеком. Я знала, что он мог быть замечательным, удивительным, наглым и очаровательным одновременно. Только, почему-то таким Макс был с кем угодно...

«Только не со мной...»

От этой мысли во рту разлилась противная горечь. Я старалась, я правда старалась. Понимать, принимать его таким, какой он есть, любить, уважать, поддерживать. Я старалась, очень старалась. Но вытащить это всё в одиночку так и не смогла. И дети ситуацию бы не изменили, не спасли.

Семья ради приличия – полная чушь. Даже если любишь человека так, что нечем дышать без него.

– Войнова, – оборвал мои размышления Потапов и вкрадчиво поинтересовался. – Ты же понимаешь, что нам нужно поговорить?

Я понимала, правда. Понимала, что этого разговора не избежать, как бы мне не хотелось. Но так и не смогла удержаться от едва слышного, саркастичного смешка:

– Поговорить? Надо же! Теперь у тебя есть время на разговоры со мной. А надо было всего-то в больницу попасть, да?

– Ир, я знаю, мы...

– Да ни черты ты не знаешь, Потапов, – я крепко зажмурилась. Потом ещё и ещё, пытаюсь разогнать пелену слёз перед глазами. – И даже если вдруг на тебя снизошло какое-то озарение... Это уже не имеет никакого значения. Как только меня выпишут, я заберу детей, и мы больше тебя не побеспокоим. Ни-ког-да.

Последнее слово я почти прошипела по слогам прямо в трубку. И тут же вжала голову в плечи, закусив губу, в ожидании неминуемого взрыва. Попутно повторяя про себя, как чёртовую мантру: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Согласись со мной, прими правильное решение, ну?! Вот только...

Когда это Макс делал так, как я хотела? Хоть раз? Хоть один раз! Ха!

Он даже сейчас проигнорировал всё, что я ему сказала. И заявил невозмутимо:

– Ну и отлично. Я тоже считаю, что говорить о прошлом – бессмысленно. А что касается твоего «заберу детей»... Войнова, ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? Теперь?

От этого его подчёркнуто делового тона у меня ёкнуло сердце. Внутренности стянуло противно ноющим узлом от предчувствия грядущих неприятностей. Медленно приподнявшись, я прижала трубку ухом к плечу и хрипло выдохнула в ответ:

– Что ты... Что ты хочешь сказать, а?!

– А, то есть вот теперь ты открыта для конструктивного диалога?

– Потапов, ты... Ты!...

– Список всех моих недостатков мы определили ещё, когда вместе были, – с тихим смешком откликнулся этот невыносимый человек. – Сомневаюсь, что с тех пор в нём что-то кардинально изменилось. И да, Ириш, я по-прежнему не воспаляюсь силой мысли, Как бы тебе этого ни хотелось.

– А жаль! – не подумав, совершенно искренне ляпнула я. И ошутимо вздрогнула от звука чужого довольного смеха, оседавшего странным щекочущим чувством где-то за рёбрами.

– Кое-что не меняется, да?

Слышать неприкрытую теплоту в его голосе оказалось непривычно и даже чуточку дико. Словно ему нравилась наша пикировка, словно он наслаждался нашим разговором. Словно ему действительно не хватало этих глупых споров, постоянных попыток уколоть друг друга. Словно он...

Скучал? Да ну, глупость же!

– Да. Не меняется, – я рухнула обратно на кровать, судорожно сглотнув. И дёрнула головой, отгоняя никому не нужные воспоминания. – Твоё непрошибаемое упрямство, например. И то, что ты... Ты мастерски умеешь уходить от ответа! Потапов, что ты задумал, а?!

– Не задумал, а принял решение. Правильное решение, – невозмутимо поправил меня Макс, начисто проигнорировав мой требовательный тон. И добавил, понизив голос до шёпота. – Отдыхай, Войнова. Поправляйся, набирайся сил. Они тебе определённо понадобятся.

– Макс, если ты думаешь, что я...

О том, что я там думаю и кем я его считаю, договорить не получилось. Потапов был в своём репертуаре: он банально отключился, оборвав звонок и оставив последнее слово за собой. Как будто знал, что на новый раунд спора с ним у меня нет ни желания, ни сил. И всё, что я могла, это закрыв глаза дрожащей ладонью сдавленно прошептать:

– Вот же!

– Кобель? – тут же подсказала моя соседка по палате. Девчонка забралась с ногами на мою кровать и с живым интересом следила за тем, как меняется моё выражение лица. А я, глянув на неё сквозь пальцы, только вздохнула глубоко, медленно выдохнула и...

Буркнула, недовольно морщась:

– Баран он! Упёртый и не прошибаемый! И...

На языке вертелся ещё с десятков эпитетов в адрес моего бывшего, но я запнулась, поймав себя на дикой, совершенно неуместной сейчас мысли. Мне вдруг показалось, что, несмотря на всю ту боль, что причинил мне этот мужчина, несмотря на все наши ссоры и всё недопонимание, услышать его снова было...

Здорово? Приятно? Волнующе?

Я вздрогнула и откровенно поёжилась, машинально вжавшись спиной в матрас. Ну да, это было волнующе. До дрожи в коленях и нелогичного предвкушения, засевшего где-то в глубине души. И я сама не заметила, как и откуда возник этот чёртов интерес к тому, что предпримет Потапов дальше. Попробует снова поговорить? Начнёт угрожать? Попытается отсудить право опеки над детьми?

Или как всегда, сделает то, что я даже представить не могла?

– Боже! – я глухо застонала, снова сжимая кулаки. – Во что я только что вляпалась, а?

Вопрос риторический, знаю. Он разбил вдребезги все выстроенные вокруг моей души стены и вытащил наружу ненужные воспоминания. Ведь я «вляпалась» в Потапова ещё тогда, пять лет назад, да так и не выбралась. До сих пор. Да, мы расстались, да я сознательно вычеркнула его из собственной жизни. Да, я искренне и так наивно верила, что всё у меня получится, что я справлюсь сама, что смогу и больше никогда не встречу с ним, но...

«Кое-что не меняется, да?»

Чужие слова звучали рефреном в ушах, крутились на кончике языка. И я не выдержала, криво улыбнувшись собственным мыслям. Ты прав, Макс, кое-что действительно не изменилось. Например, та чёртова тяга к тебе, что холодила мне пальцы и заставляла сердце биться сильнее. Или глупая, никому не нужная зависимость, нахальная потребность слышать, чувствовать тебя рядом. Снова и снова возвращаясь к этой пародии на разговор, я ловила себя на дурацком желании отбросить гордость и сдаться на милость победителя. Позволить тебе вновь решать всё, определять за нас двоих что, куда и как.

Странно, да?

«Кое-что не меняется, да?»...

Да, Потапов, от своих чувств я так и не смогла избавиться, как ни старалась. И эти острые грани былых обид всё ещё ранят, напоминая о нашем общем прошлом. И да, если бы я была одна, если бы это касалось только меня – я не стала бы сопротивляться. Чёрт с ним, с этим синдромом «безответной любви», плевать на то, как я собирала бы себя после, но...

Я упрямо сжала губы, резко вытолкнув воздух сквозь зубы. Ну уж нет, теперь у меня есть за кого бороться, есть кого защищать! И я, я...

– Не отдам, – беззвучно шепнула, с трудом разлепив пересохшие губы. – Я тебе их не отдам, Потапов... Не отдам!

– Блин, подруга! Понятия не имею, о чём ты там думаешь... Но видок у тебя такой, что статью за убийство пришьют не глядя. Может это... Врача позвать, а?

Озабоченный вопрос соседки распилил пласт тяжёлых мыслей, как горячий нож масло. И я моргнула, вдруг осознав: я совершенно забыла, что здесь не одна. Впрочем, соседку мой ошарашенный вид не удивил, ни капли. Перебравшись на колченогий табурет, она вертела в тонких пальцах обломок карандаша, уставившись невидящим взглядом куда-то в окно. То и дело щурясь, девчонка что-то чиркала на бумаге, время от времени кидая на меня хитрые взгляды, а я...

Я готова провалиться сквозь землю от чувства жгучего стыда, накрывшего меня с головой. Щёки запекло, а глаза защипало, стоило только осознать, что за всё это время я даже не поинтересовалась как зовут это непосредственное, едкое, но такое отзывчивое чудо. Да что там!

Лежу тут, понимаешь, себя накручиваю... А на элементарное «спасибо» ума расщедриться не хватило! Ну ты даёшь, Войнова! И кто ты после этого, а?

– Оу... Рыжая ты это... Булки расслабь, я ж всё понимаю, – соседка весело фыркнула, сдув с носа прядь волос. – Меня, кстати, Нютой звать, а ты – Ира. Прости, чтоб не услышать твоё имя, надо было быть слепым, глухим и немым одновременно...

Нюта развела руками, всем своим видом выражая несуществующее раскаянье. И тут же переключилась на другую тему, бросив альбом с карандашом на свою постель и вцепившись пальцами в край табуретки:

– Слу-у-ушай... А давай я за водой сгоняю? А ты потом мне попозируешь, а? А то скоро припрётся этот занудный док и всё, считай, нормальная жизнь закончится. Ну что, согласна?

– Хорошо, – я облизнула губы и растянула их в неуверенной, но искренней улыбке. Потому что в ответ на такой заразительный энтузиазм нельзя не откликнуться, и не поддаться ему тоже не получалось. А проблемы...

Что ж, основное я для себя решила, а со всем остальным разберусь. И не важно, одна или вместе с Потаповым.

Глава 5

Максим Потапов

– Официально заявляю. Я тебя ненавижу, – сообщил я Ильину, открыв дверь и смерив его мрачным взглядом, полным «любви» к миру вообще и к его сиятельной персоне в частности.

Ильин не впечатлился. Он вообще выглядел на редкость бодрым, свежим и просто до неприличия полным сил. И всем своим начищенным, ослепительным видом портил ту ауру скорби и чёрной безысходности, что поселилась в моём доме.

– И я рад тебя видеть, Потапов, – хмыкнул в ответ Гор, нахально протиснувшись мимо меня в квартиру. – А кто это у нас такой красивый? А у кого это круги под глазами такие загадочные, а? А кто это у нас такой взъерошенный и помяты-ы-ый?

И вот вроде бы умом я понимал, что этот придурок просто-напросто издевается, но пальцы в кулаки так и сжались от желания зарядить ему в глаз. Останавливало только одно: у меня на руках сидела мелкая, с любопытством разглядывая радостно улыбающегося Ильину.

Тот, заметив ребёнка, умильно вздохнул и тут же скорчил рожицу, продемонстрировав малышке фигуру из двух пальцев. Ещё и засюсюкал радостно:

– Идёт коза рогатая, идёт коза...

– Руки убрал, – вежливо попросил я его, поудобнее перехватив громко сопящего ребёнка. Та спрятала лицо у меня на груди, вцепившись пальчиками в ткань рубашки, бросая на странного дядю испуганные взгляды. А потом взяла и...

– А-а-а-а-а!

Орала Елена Максимовна Войнова (пока что Войнова) как полагается всем девочкам: громко, от души, во всю мощь своих лёгких. И так, что остаться равнодушным не было ни единого шанса, ни у кого. Поэтому...

– У-а-а-а-а!

А вот в голосе Евгения Максимовича Войнова (пока ещё Войнова!) чувствовалась лёгкая такая неуверенность и даже растерянность. В отличие от сестрёнки, он причину таких задуманных криков не видел. Но, как и подобает любящему брату и настоящему мужчине, был согласен с реакцией Леночки целиком и полностью. И знаете, я даже осуждать их за это права не имел.

В эту самую минуту, этим самым утром я своим детям даже завидовал. Потому что мне самому хотелось орать на Ильина. Долго, со вкусом и исключительно матом. Но ведь нельзя же. Я ж взрослый, ответственный, воспитанный человек, млять.

Я ж отец и пример для подражания, вроде как...

– М-да, Ильин... Умеешь ты на людей впечатление произвести, – покосившись на хныкающую мелкую, я проглотил очередной непечатный комментарий в адрес товарища.

– Да я...

– Угу, ты. Держи, герой!

Сарказма в моём голосе было – завались. Но я сдержался и не отправил лучшего друга в пешее эротическое по экзотическим местам. Вместо этого я сунул ему громко икавшую Ленку, а Ленке протянул большую, круглую погремушку, выудив её из заднего кармана джинсов. И скрылся в глубине квартиры до того, как Ильин на собственной шкуре почувствовал все прелести этой подставы.

– Дя, мя!

– Ай!

Ну да, как оказалось, Ленка у меня была настоящей женщиной. От горшка два вершка, ползать только начала, а уже могла сделать из ничего и скандал, и «детскую неожиданность».

А ещё она, на пару с братцем, любила проверять что прочнее – погремушка или чья-то голова. И мнение подопытных эту сладкую парочку не интересовало в принципе.

Машинально потеряв свой лоб, чаще всего страдавший от встречи с игрушками, я наклонился и вытащил из манежа грозно сопящего Женьку. Тот хмурил светлые брови и дул пухлые щёки. Голосить, правда, перестал и это был большой такой плюс. Подозрительно пахнувший плюс, к слову. Так, погодите-ка...

– О нет, приятель, – я обречённо застонал. Ну, кто бы сомневался, в общем-то. Одними упражнениями по вокалу это утро просто не могло закончиться. И теперь меня ждал дополнительный квест под названием «Подмой детей и переодень их». Вот же ж...

Ситуёвина, мать твою!

– Ма-а-акс, – окликнул меня Ильин, подтверждая внезапные подозрения. – Я ни на что не намекаю, но эту красотку надо бы переодеть... Кажется.

Ну уж если Ильину кажется...

Хотя, если там такие же спецэффекты как тут, то даже крестить нет нужды. Потому что ни хрена это нам не кажется, уж точно не обоим сразу!

– Тебе кажется, а я в этом практически уверен, – обречённо подтвердил я опасения приятеля, смерив сына укоризненным взглядом. Правда, хватило меня ровно на тридцать секунд.

На тридцать первой, я понял, что с образом brutального, сурового мужика придётся попрощаться. Сложно как-то корчить из себя мачо, когда у тебя рубашка в каше и на руках два непоседливых карапуза неполных семи месяцев отроду. К тому же, сын моим возмущением проникнуться не пожелал. Только улыбнулся беззубо и завозился, пытаюсь слинять от своего нерадивого папаши куда подальше.

– Э, нет, приятель, – тут же пресёк я эту попытку, зажав недовольно крикнувшего Женьку подмышкой. И прихватив памперсы, вместе с прочей детской хренью, вырулил из комнаты, заявив. – Ильин, я тебя поздравляю!

– С чем? – тут же насторожился товарищ, прижимая к себе довольно хихикнувшую Ленку. Мелкая с удобством распласталась у него на груди, тихо млея от чужого внимания и неприкрытого восхищения.

И исподтишка, как бы невзначай, усиленно втирала в ткань дорогущего пиджака слюни и остатки печенья. Только вот сообщать об этом хозяину пиджака я не стал, потом сюрприз будет. А пока...

Хищно улыбнувшись, я помахал перед носом Игорька той самой упаковкой памперсов. На что я намекаю, тот сообразил мгновенно. И тут же ушёл в отказ, возмущённо выдав:

– Не-не-не, Потапов! Я на такие подвиги не подписывался!

– Увы, приятель, – хмыкнув, я хлопнул его по плечу. – Кто даму играет, тот даму купает. Так что ребёнка в руки и пошли на водные процедуры. И да прибудет с нами...

– Уа-а-а-а!

Стоило только мне ляпнуть про водные процедуры, как дети тут же устроили забастовку. Орали так, как будто мы их тут резали, честное слово! Вертелись, пинались, кусались и всем своим видом выражали активное недовольство происходящим. Настолько активное, что Гор не выдержал и обречённо протянул:

– Терпение. Очень. Много. Терпения.

– Да тьфу на тебя, Ильин! Не каркай! Сейчас всё будет хара...

– А-а-а-а!

Через час я осознал, что насчёт терпения приятель не шутил. Вот ни разу. Потому что за это время мы с ним на пару прошли все пять стадий принятия неизбежного: начиная отрицанием и заканчивая, собственно, самим принятием, чёрт бы его побрал.

Через два, я всерьёз задумался о том, что Лёлино невезение передаётся воздушно-капельным путём. Другого варианта, почему обычная процедура «раздеть, помыть, переодеть» отняла

у двух здоровых мужиков кусок жизни, моток нервов и пару клоков седых волос, у меня просто не было. А через три...

Через три часа я свято верил в то, что мы всё-таки молодцы. Ну, подумаешь, облились, подумаешь, потоп в ванной устроили и пены наелись. Кто ж виноват, что она так натурально шоколадом пахла, а? Зато дети тихо сопят, пригревшись у нас на руках: чистые, умытые, во всё новое переодетые. А всё остальное – фигня.

Главное, позже не забыть подгузники из корзины выкинуть. А то мало ли, ищи потом по всей квартире, откуда такие ароматы прут.

– Всё, пиз... – Ильин скосил глаза на лыбившуюся Ленку и прочистил горло, проглотив явно матерные комментарии. – Кхм... Писец говорю, пиджаку. Жалко, он мне нравился.

– Новый купишь, – смахнув с волос остатки пены, я подхватил завозившегося сына на руки и медленно, аккуратно, держась за стеночку, поднялся. – Пошли, компенсирую тебе потери бутербродами. И кофе.

Видимо, «кофе» оказался тем самым волшебным словом, подействовавшим лучше всего. Я и глазом моргнуть не успел, как Ильин уже примостился за барной стойкой, усадив Ленку к себе на колени. И оба с намёком уставились на меня, постукивая ложкой по столешнице.

Ладно, стучала Ленка, ей просто нравилось это делать. Ильин же явно пытался найти у меня остатки совести. Как будто не знал, насколько это бесполезное занятие.

Усадив мелкого на детский стул (хвала интернет-магазинам и курьерской доставке!), я заправил кофемашину и занялся привычным ритуалом. Сооружением перекуса, пополам с разведением готовой смеси и поиском чистой ложки для детского пюре. И всё это время меня не покидала одна ну очень интересная мысль.

Как, вот как Ирка всё это в одиночку делала, а? Может, есть какие-то лайфхаки там? Заклинания? Магия вуду? Ну хоть что-то же должно быть, чтобы ОДНА женщина смогла справиться сразу с ДВУМЯ детьми!

Нет, ну серьёзно! Я и так уже крутил варианты и эдак и всё равно приходил к выводу, что одному человеку это не под силу. Или я чего-то не знаю про свою бывшую?

– Слушай, отец почти одиночка, – нетерпеливый голос Ильина выдернул меня из задумчивости, и я чудом, не иначе, не отхватил себе полпальца ножом. Тем самым, который так хотелось теперь бросить в приятеля, чтоб под руку больше не говорил.

– Что вам угодно, господин адвокат? – привычно улыбнувшись хихикнувшему Женьке, я вернулся к готовке. И чуть повторно не полоснул ножом по пальцам, когда Гор невозмутимо откликнулся:

– Власть во всём мире, но об этом потом, – и, хрустнув крекером, этот гад добил меня контрольным вопросом в голову. – Так что ты решил насчёт их матери, а?

– А что я должен был решить? – покосившись на приятеля, я вернулся к готовке. Подавив такое искреннее, но очень уж неуместное желание послать этого умника. Далеко, надолго и цветасто. Но, как показывал опыт, этот кадр уже везде побывать успел.

В силу, так сказать, профессиональной дотошности и дурного характера.

– Если ты меня спрашиваешь, то я бы...

Тут я всё-таки не выдержал и заржал. И, отсмеявшись, хмыкнул, скovyрнув крышки с фруктового пюре:

– Последнее, что мне надо, так это совет от чувака, женившегося на спор. Прости, друг, но я как-нибудь сам разберусь, что мне делать с Войновой, – протянув Ильину банку с ложкой, я присел перед Женькиным стулом и подмигнул улыбающемуся сыну. – Как только её выпишут, заберу из больницы и будем думать, как дальше жить.

– Вместе что ли? Одной семьей? – Гор с кислой миной посмотрел на пятно на рубашке, но мужественно продолжил попытки накормить мелкую.

– Ну, это как получится, – пожав плечами, я зачерпнул пюре ложкой и, чуть помолчав, озвучил то единственное, в чём был уверен. – Но детей бросать я не собираюсь, Гор. Хватит. Я и так слишком много уже пропустил.

Ирина Войнова

Максим Андреевич Потапов.

Судорожно вздохнув, я провела пальцем по экрану планшета, разглядывая одну из фотографий, найденных на просторах сети. С неё на меня смотрел, насмешливо щурясь, призрак из прошлого в обнимку с длинноногой брюнеткой. Как всегда красивый, подтянутый, притягательный и...

Чужой. Мужчина из разряда «не для меня». Наши отношения изжили себя ещё тогда: больные, зависимые, выпившие меня до дна. И, будь моя воля, я никогда бы больше не встречалась с ним.

Никогда.

– Хочешь рассмешить бога... – я криво усмехнулась, качнув головой, и вновь обвела кончиком указательного пальца знакомое до боли, до дрожи лицо. В груди кипели обида и недоумение, страх и робкая, никому не нужная надежда. Убойный коктейль, грозивший не оставить и камня на камне от моей упрямой решимости бороться до конца.

Пусть даже вся эта затея обречена на провал с самого начала. Где я, а где Потапов? Серьёзно, это даже не смешно.

– Говорят, сегодня на завтрак овсянка, – недовольно пробухтела Анька, отвлекая меня от размышлений. Желудок предательски сжался и заурчал от голода, есть хотелось просто невыносимо. Но стоило только вспомнить запах разваренной в хлам крупы, как к горлу подступила тошнота.

Умом я понимала, что кормят нас согласно строгой диете, предписанной лечащим врачом. Но легче от этого не становилось, почему-то.

– Она полезная, – я неуверенно улыбнулась, глядя на насупившуюся соседку.

Та раздраженно фыркнула, надувшись как мышь на крупу. И в который раз за эти два дня завистливо вздохнула:

– Тебе хорошо говорить, тебе, поди, опять бульон принесут. Или мясо отварное и протёртое. Или...

– Рис на воде, – я покачала головой, убирая планшет в сторону, и сложила руки на животе. – Тоже, знаешь ли, не сладкая пахвала.

– Но и не овсянка. На воде. Разваренная. Без соли. У-у-у-у, терпеть не могу!

Это чудо так смешно возмущалось, тряся кулаками и размахивая зажатым в пальцах карандашом, что я даже не пыталась сдержать рвущееся наружу веселье. Вот только стоило первому смешку сорваться с губ, как в дверь нашей палаты постучали. Отрывисто, резко, настойчиво.

Так, что даже при всём желании не сможешь проигнорировать.

– Может, палатой ошиблись? – с затаённой надеждой шепнула Анька, наклонившись к моей кровати.

– Вряд ли, – я снова качнула головой, сцепив пальцы в замок и сжав их так, что побелели костяшки. И, прокашлявшись, громко позвала. – Входите!

И вроде голос звучал уверенно, а сердце билось через раз, и желудок сжался от неприятного предчувствия. И пусть я не могла похвастаться отменной интуицией или чуйкой, но мне хватило одного только взгляда на шагнувших в палату людей, чтобы понять – ничего хорошего ждать не стоило.

– Войнова Ирина Геннадьевна? – сухопарая женщина неопределённого возраста, в добротном деловом костюме-тройке поправила полы дежурного халата, наброшенные на плечи.

Её спутник, мужчина лет тридцати на вид, так и остался стоять у двери, оглядывая помещение нечитаемым взглядом.

– Это я, – облизнув пересохшие губы, я нервно вздохнула, до боли сжимая собственные пальцы. – А вы?...

– Дячишина Оксана Витальевна, специалист отдела опеки и попечительства. Простите, что тревожу вас вот так, в больнице, но к нам поступил сигнал, и мы вынуждены отреагировать. Думаю, вы будете не против ответить на несколько моих вопросов, не так ли?

Женщина растянула губы в вежливой, почти равнодушной улыбке и смерила меня колким, оценивающим взглядом. Таким, что я невольно сглотнула и подобралась, морально готовясь к грядущим неприятностям. А в том, что они будут, я была уверена как никогда. И...

Всё равно оказалась не готова к вопросу, разорвавшему повисшее молчание:

– Итак... Где сейчас находятся ваши дети, Ирина Геннадьевна?

Глава 6

Ирина Войнова

Сухой, лишённый хоть каких-то эмоций тон проморозил меня до костей и заставил поежиться под чужим, слишком пристальным взглядом. Судорожно вздохнув, я нервным жестом пригладила взъерошенные волосы и тихо ответила вопросом на вопрос:

– А что... Что-то случилось? Я не понимаю, что могло бы...

– Случилось, Ирина Геннадьевна, – госпожа Дячишина снисходительно хмыкнула, сцепив руки в замок за спиной. – И прежде, чем мы вернёмся к сути нашего разговора, не могли бы вы уточнить один момент. А именно – кем вам приходится Потапов Максим Андреевич? И на каких, простите, основаниях вы отдали ему двоих несовершеннолетних детей?

На какой-то миг я забыла, как дышать. Хватая ртом воздух, я почувствовала, как ледяные когти страха сжимают моё сердце, пробивая его насквозь. И лишь одна-единственная мысль, острой занозой засевавшая где-то глубоко в голове не дала мне сорваться.

Я даже смогла улыбнуться, заставив себя разжать стиснутые кулаки и спокойно проговорить:

– Знаете, Оксана Витальевна, основания у меня были более чем весомые. Понимаете, всё дело в том, что он... – запнувшись на середине фразы, я облизнула внезапно пересохшие губы и всё-таки закончила предложение. – Он их отец.

И пусть голос звучал спокойно, пусть на лице не дрогнул ни один мускул, внутри меня разразилась целая война. Меня корёжило и рвало от совершенно противоречивых эмоций и чувств. Там, где-то в груди, смешалось всё – радость от осознания, что дети в безопасности, ненависть от того, что всё опять сводится к чёртовому Потапову и надежда.

Робкая, совершенно иррациональная и пугающая меня до дрожи и слабости в ногах. Потому что один раз я уже прошла через это, я доверила себя и своё сердце этому мужчине и что получила взамен? Да, наши отношения подарили мне моё личное, самое невероятное чудо – моих детей. Но кто бы знал, как это страшно собирать себя по кускам...

Страшно и сложно. И повторять этот опыт у меня не было никого желания.

– Вот как, – задумчиво протянула Оксана Викторовна, сжав тонкие губы.

Кажется, мой ответ её удивил. На короткий миг безупречная маска вселенской скуки дрогнула на чужом лице, обнажив растерянность и даже обескураженность. И я недоверчиво уставилась на внезапно ставшую почти человеком женщину, с трудом удержавшись от желания себя ущипнуть. Уж слишком нереальной получалась картинка.

Впрочем, госпожа Дячишина справилась сама. Кивнув головой каким-то своим мыслям, она одёрнула полы несчастного халата и, качнувшись с пятки на носок, деланно проинформировала:

– Что ж, надеюсь у этого «отца» есть и документы, подтверждающие отцовство. И все необходимые условия, для детей. В противном случае, мы будем вынуждены принять соответствующие меры.

– Например?

Подкатившую к горлу тошноту я старательно проигнорировала. Задавила рвущуюся наружу панику и продолжила смотреть прямо в лицо этой вежливой до отвращения женщине, даже не думая опускать взгляд.

– Вы должны понимать, Ирина Геннадьевна, наша приоритетная задача обеспечить детям достойные условия проживания. Убедиться в том, что их жизни и здоровью никто... Я повторюсь, никто и ничто не угрожает, – слово «никто» госпожа Дячишина выделила особо пренебрежительным тоном. – И если вы уверены в том, что с господином Потаповым им лучше, чем под защитой государства, то...

– Им лучше, – я снова сжала пальцы в кулаки, до боли впиваясь ногтями в кожу ладоней. – С родным отцом им намного лучше, чем под опекой государства. Поверьте, Оксана Викторовна, он обеспечит их всем, что нужно.

– Поживём – увидим, Ирина Геннадьевна. Не прощаюсь...

И на этой ноте, с явным оттенком превосходства в голосе, Оксана Викторовна ушла из палаты. Оставив меня один на один с вернувшейся паникой, стремительно набирающей обороты и чётким осознанием того, что нужно спешить. Я должна, я просто обязана...

Мне срочно нужно позвонить Потапову!

Максим Потапов

Телефонный звонок ввинтился в мозг и устроил там апокалипсис.

Серьёзно, судя по ощущениям, у меня в голове случился целый ядерный взрыв. И дабы никого не накрыло волной «благодарности», я благородно спрятал чёртов гаджет под подушкой.

Ещё и лицом в неё, в подушку эту, уткнулся. Лелея слабую надежду на то, что хотя бы сегодня мне удастся выспаться. Ну-ну, какой наивный дядя! И пяти минут не прошло, как в глубине квартиры что-то грохнуло. Звякнуло, брякнуло, хныкнуло и...

Разразилось душераздирающим рёвом на два голоса. Да таким, что мёртвые из могилы восстали бы, что уж про тотально не высыпавшегося меня говорить?

– Дети – цветы жизни, – мрачно заявил я собственному отражению в ванной. Скептически глянул на явно осунувшуюся морду лица, почесал заросший подбородок и оценил величину мешков под глазами.

Вместе с диким взглядом и явным желанием «убивать», картинка получалась зачётная. Хотя и неприглядная. А ты, Потапов, Ирку навестить ещё хотел. Поговорить, впечатление там произвести, угу.

Как бы после такого «впечатления», она от тебя на край света не слиняла, вместе с детьми! Кстати о них.

Мне кажется или в квартире СЛИШКОМ тихо?

– Твою мать!

Новоприобретённая паранойя пополам с горьким опытом взвыли дурниной. За тридцать секунд я выплюнул пасту, плеснул в лицо водой и вымелся из ванной комнаты, с ужасом представляя масштаб возможного бедствия. Вот только чего я точно не ожидал, так это того, что проскакав бешеным оленем по квартире, застыну на пороге комнаты, ловя отвисшую челюсть. Потому что... Потому...

Да мля, когда они уснуть-то успели? Снова!

– Однако... – я только и смог, что растерянно почесать затылок, глядя на открывшуюся мне картину. Схватившись за одну игрушку, дети завалились набок и слаженно сопели, пуская слюнявые пузыри. И чхать они хотели на орущий телефон, гроыхавшие под окном машины и собственного непутёвого папашу, застрявшего в дверях.

Аж завидно стало, блин. Мне о таком крепком сне только и остаётся что мечтать, в обнимку с литровой кружкой крепкого чёрного кофе. В вялой попытке найти в себе те самые бодрость духа, оптимизм и что-то там ещё из списка качеств образцового родителя. Хотя о чём я?

Где я и где понятие «образцовый родитель»? Чем больше времени я провожу с детьми, тем сильнее сомневаюсь в том, что этот диковинный зверь вообще существует в природе.

Телефон умолк. И пошёл на третий заход, настойчиво требуя моего внимания.

– Видимо, кто-то не понимает намёка, – пробурчал я себе под нос, заваливаясь на диван и вытаскивая смартфон из-под подушки. – Придётся, послать прямо... – ткнув пальцем в экран, я максимально вежливо рявкнул. – Ну и?! Кому я пиз... Пипец так понадобился, а?!

С минуту в трубке царила потрясающая тишина. Но не успел я порадоваться тому, что отбил у собеседника желание разговаривать, как знакомый женский голос беспомощно произнёс:

– Макс? Я не... Я, что не вовремя?

– Хороший вопрос, – чуть сбавив обороты, я рассеянно провёл рукой по волосам, пытаюсь понять, чего во мне больше от этого звонка: злости или радости. И если получается пятьдесят на пятьдесят, это значит меня «торкнуло» или есть ещё шанс избежать страшного чувства с большой буквы «эл».

И хочется ли?

– Я не... Чёрт, Потапов, скажи, ты делал тест ДНК? – Ирка судорожно вздохнула, явно пытаюсь успокоиться. Наверняка она сейчас стояла, переступая с ноги на ногу, и тёрла ладонью предплечье, пытаюсь взять себя в руки. Ещё и губы искусала до крови, стараясь справиться с волнением и дрожью. А я...

Я так явно представил себе эту картинку, что не сразу сообразил, о чём идёт речь. А вот когда сообразил, то всё, что и смог, это недоверчиво протянуть:

– Прости, мне, наверное, послышалось, но... Что ты спросила?!

– Потапов... – страдальчески вздохнув, эта невозможная женщина чуть ли не по слогам повторила этот чёртов вопрос. – Я просто хочу знать, делал ты тест ДНК или нет! Это, правда, очень важно, Макс!

В голосе Войновой слышались отчётливые нотки паники, но в этот раз я их нагло проигнорировал. Да мне в принципе стало резко не до чужих чувств и переживаний, со своими бы справиться суметь. А их, этих самых чувств, вдруг оказалось слишком много для меня одного.

Так много, что я с силой потёр ладонью лицо, пытаюсь хоть так взять себя в руки. Получалось откровенно хреново, а точнее – никак. Сердце всё равно отбивало стаккато по рёбрам, разгоняя по телу злость и внезапно вспыхнувшую чёрную ревность. Пальцы сжались в кулак от нестерпимого желания кому-нибудь врезать. И плевать кому и за что, лишь бы избавиться от этого грёбанного стального обруча, сдавившего грудь так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. А самое главное, что даже себе так и не смог объяснить, чего меня так скрутило-то.

Ведь это был простой, в общем-то, логичный вопрос, не так ли?

«Да шаз, ага», – мрачно подумал я, глядя на потолок и считая про себя до десяти и обратно, в вялой попытке хоть чуть-чуть успокоится. В душе бушевал ураган, а в голове складывались сплошные матерные конструкции. И вот, вроде бы, не восемнадцать давно и на сопляка малолетнего не тяну, а поди ты!

Стоит Ирке меня зацепить и весь самоконтроль летит к хренам!

– Макс...

Я глубоко вздохнул и так же медленно выдохнул. И всё равно не удержался от едкого вопроса, так и рвущегося с языка:

– И зачем тебе тест ДНК? Или что, у тебя там уже целая очередь из гипотетических отцов стоит?

Потрясённую тишину в ответ можно было пощупать руками. Целую минуту Войнова только судорожно дышала в трубку, пока я накручивал себя, всё больше и больше злясь на весь белый свет. А затем...

– Погоди... Ты, что... Ты пытаешься меня в чём-то обвинить? Меня?! – Ирка шумно выдохнула, истерично хохотнув. Чтобы через секунду заорать так, что я невольно поморщился от звона в ушах. – Знаешь что?! Да иди ты к чёрту, Потапов! Не хочешь признавать детей – плевать, без тебя справлюсь! Но если из-за тебя... Из-за твоего идиотского упрямства моих детей заберут в приют, я... Я не знаю что с тобой сделаю, понял?! Я тебя, я...

Оборвав себя на полуслове, Ирка замолчала. Тонкий, жалобный всхлип полоснул по нервам наждачкой, отрезвляя почище ведра ледяной воды. И я как-то разом вспомнил и про опе-

рацию, и про истощение, о котором мне поведал дежурный врач. А ещё о том, что Войнова не любила и не умела врать.

Не договаривать могла, да. Причём, мастерски. А вот врать напрямую – нет. И от этого осознания меня накрыло удушливой волной самого настоящего стыда. Да уж, права Ирина, я – идиот, причём идиот клинический!

Криво усмехнувшись, я сжал переносицу и впервые за хрен его знает сколько лет пожалел, что бросил курить. Сейчас бы не помешало вдохнуть горький сигаретный дым, чтоб мозги прочистило, выбив из головы всё лишнее. Ведь сам же грохнул кулаком по столу, заявляя, что мне плевать, чьи это дети, а сам...

Интересно, а вот эти вот вспышки ревности и прочую лабуду ещё можно купировать или всё, поздняк метаться, а?

– Прости, – с трудом выдавил я из себя. Шумно вздохнув, снова потёр лицо ладонью. – Правда, прости, Ир, я... Не хотел тебя обидеть. Наверное...

– Засунь своё «прости» знаешь куда?! – подавив очередной всхлип, зло выплюнула Войнова. – А ещё знаешь что, Потапов? Это был первый и последний раз, когда я тебя о чём-то прошу. Если бы не эти долбанные органы опеки, я бы никогда... Да я бы...

– Ир, успокойся. Пожалуйста, – как можно миролюбивее попросил я, надеясь хоть так сбавить градус напряжения в нашем разговоре. Даже пошутил, пытаюсь разрядить обстановку. – Ты же знаешь, я тот ещё засранец... И бесчувственный чурбан, ага. Так что там за дела с приютом и опекой, м?

Кажется, я снова что-то не то сказал. Ну или не так услышал. А ещё недопонял и вообще, совершил все семь смертных грехов сразу, судя по выразительному молчанию в трубке. Правда, надолго Ирку не хватило.

Тихо ругнувшись себе под нос, она нехотя откликнулась:

– Я не просто так про тест спрашивала, Потапов. Я не страдаю провалами в памяти, и с математикой у меня всё в порядке. Так что, к сожалению, я точно знаю КТО отец. Чтобы ты там себе не напридумывал и...

– Ир, я же извинился. Я...

– Ко мне приходили из опеки, – сухо откликнулась девушка, явно сумев взять себя в руки.

Я прямо кожей почувствовал эту стену отчуждения, выросшую между нами. И от осознания того, что она закрылась, почему-то кольнуло в груди, где-то под рёбрами. Так, что я невольно потёр то самое место, напротив громко стучавшего сердца.

Чтобы хмуро поинтересоваться в ответ:

– Ну и зачем? Ничего же не случилось, вроде.

– Затем, что кто-то очень обеспокоен тем, где и в каких условиях находятся мои дети. И я наверняка пожалею о том, что сейчас скажу, но... – чуть помедлив, Войнова всё же продолжила. – В общем, если у тебя есть возможность подтвердить отцовство в самые короткие сроки, сделай это. Я не хочу, чтобы у этой дамы был хоть какой-то шанс забрать у тебя детей.

– Не будет, – криво улыбнувшись, я качнул головой, поднимаясь с дивана и уже прикидывая, что нужно сделать и как. – Не волнуйся, Ириш. Всё будет хорошо.

В ответ послышался лишь тихий вздох и короткие гудки. Видимо, на слово мне не поверили, так что придётся тебе, Потапов, доказывать на деле собственную благонадёжность. Но где наша не пропадала, а?

Глава 7

Максим Потапов

«Сушёная вобла» в строгом костюме скупое роняла слова, делала какие-то свои выводы и улыбалась так, что остаться равнодушным было просто невозможно. Серьёзно, от одного её постного вида у меня аж кулаки зачесались. А я ведь до этого момента не понимал, как можно руку на женщину поднять, но эта мадам...

Млять, да стоило мне только представить, что и как она могла сказать Ирке, как желание её придушить становилось ну просто невыносимым! Вот так бы взял, подошёл к ней, взял за шею тонкую и...

– Остынь, – зло зашипел мне на ухо Ильин, сжав моё плечо цепкой хваткой. – Да тихо ты, придурок... Только хуже сделаешь же!

Я на это только зубы сжал, давя в зародыше заманчивую мысль послать всю эту делегацию. Желательно – матом, и так, чтоб потерялись они всерьёз и надолго. И да, да, я знал, что это глупо, но вашу ж мать! Какая заманчивая была бы перспектива!

Настолько заманчивая, что я всё же не удержался и ляпнул, криво усмехнувшись:

– Знаете, Оксана Витальевна... Я как-то даже не предполагал, что в нашем государстве ТАК заботятся о детях. Особенно о тех, чьи родители вполне себе живы, здоровы и даже – о ужас! – дееспособны.

Зажатый в кулаке телефон прошил ладонь настойчивой вибрацией. Так, что я не смог его проигнорировать и, извинившись, отошёл в сторону, смахнув блокировку с экрана. Чтобы обнаружить среди вороха рабочих чатов и прочей ерунды одно единственное сообщение.

«И-ДИ-ОТ!» – гласил мессендж от моего дражайшего приятеля. Ильин не поленился и, беззвучно шевеля губами, повторил свой доморощенный диагноз. На что получил вполне закономерный ответ – оттопыренный средний палец.

Что в сообщении, что в реальности. Потому что при всём моём уважении, но это не его пытается рассмотреть под микроскопом мерзкая «вобла». И не ему напрямую угрожали забрать детей при первом же удобном случае! Так что шёл бы ты, Ильин...

К Лёле, мля!

– Ёрничаете, Максим Андреевич? – улыбка «воблы» стала ещё приторнее. Если такое вообще возможно. Поправив очки в строгой оправе, госпожа Дячишина сухо заметила. – Напрасно, очень... Напрасно, да. Наше государство беспокоится о здоровье и благополучии каждого гражданина, независимо от его возраста, пола и социального статуса. К тому же, некоторые обстоятельства, касающиеся вас и ваших детей, вынуждают нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.